

А. В. Конивец

ЭРМИТАЖ В БЛОКАДЕ И ЭВАКУАЦИИ. ИСТОРИЯ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ

В годы Великой Отечественной войны на долю сотрудников Эрмитажа в полной мере выпали все страшные испытания тех лет. Подвиг Эрмитажа, сумевшего сохранить бесценную коллекцию в нечеловеческих условиях блокады Ленинграда, известен. Прежде чем перейти к теме сообщения, напомним основные события жизни Музея в годы блокады. В 1941 г. третий раз за свою тогда почти двухсотлетнюю историю Эрмитаж спасал хранящиеся в нем сокровища. Первая эвакуация была еще во время нашествия Наполеона, вторая – осенью 1917 г., накануне Октябрьской революции, когда существовала опасность оккупации Петрограда немцами. История повторялась: как и в 1917, удалось отправить только два эшелона из сформированных трех. Тогда помешала революция, в 1941 – блокада. В 1917 г. наиболее ценная часть коллекции была отправлена в Москву, в 1941г. – в Свердловск, где филиал Эрмитажа находился на протяжении всех военных лет. Благодаря множеству публикаций эта история сейчас довольно хорошо известна. Однако немногие знают, что к войне Эрмитаж стал готовиться заранее, уже с конца 1930-х гг., поэтому, когда последовал приказ об эвакуации, в музее имелось все необходимое. Было заготовлено огромное количество упаковочного материала: это разные виды бумаги – от оберточной до папиросной, древесная стружка разных размеров, пробковая крошка, клеенка и, конечно, ящики (при этом для шедевров были сделаны специальные, строго по размерам каждой конкретной картины или скульптуры). Сейчас трудно даже представить себе, каких усилий стоило все это организовать тогдашнему директору музея И. А. Орбели, которому порой приходилось прибегать и к угрозам, и к убеждению, а порой и к искусству дипломатии. При этом в любую минуту его могли обвинить в паникерстве, что грозило тогда потерей не только директорского кресла, но и свободы. Но несмотря ни на что первый эшелон ушел на восток уже 1 июля 1941 года. На протяжении долгого пути сопровождающие экспонаты сотрудники до последнего не знали конечного пункта назначения. Второй

эшелон отправился из Ленинграда в Свердловск 20 июля, «всего было увезено 1 миллион 118 тысяч предметов. Третий предполагавшийся эшелон отправлять на восток было опасно, и ящики, предназначенные для него, остались в Эрмитаже на все военное время» [1, с. 181].

Пока ящики с бесценными экспонатами находились в Свердловске, оставшиеся в Ленинграде сотрудники продолжали работать и защищать Эрмитаж. Они дежурили на крышах, сбрасывали зажигательные бомбы, следили за опустевшими залами, хранили оставшиеся в музее вещи и книги. Чтобы понять, в каких условиях они работали, приведем слова академика И. А. Орбели, выступавшего в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе: «На протяжении долгих месяцев шла систематическая их [зданий Эрмитажа и Зимнего дворца] бомбежка и артиллерийский обстрел. В Эрмитаж попали две авиабомбы и около 30 артиллерийских снарядов, причем снаряды эти причинили значительные повреждения зданию, а авиабомбы привели к разрушению системы канализации и водопроводной сети Эрмитажа. <...> Преднамеренность обстрела и повреждений, причиненных артиллерийскими снарядами Эрмитажу во время блокады, для меня, так же как и для всех моих сотрудников, была ясна <...> 30 снарядов, о которых я говорил, попали в Эрмитаж не в один налет, а в течение длительного периода времени, не более одного снаряда в каждый обстрел» [2, с. 758–761].

И в этой страшной обстановке, находясь в холодных подвалах Эрмитажа, где было оборудовано бомбоубежище, ставшее домом для сотрудников музея, на скудном пайке блокадного хлеба, они продолжали работать. Те сотрудники, которые уже практически не могли передвигаться, помещались в стационар, открывшийся 1 февраля 1942 г. на первом этаже здания Малого Эрмитажа, в Северном павильоне, со стороны Невы. Стационар действовал всего три месяца – до 1 мая. В нем эрмитажники получали дополнительное питание и медицинский уход и имели возможность немного поправив здоровье, вернуться к работе. К сожалению, ко времени открытия стационара музей потерял уже многих – умирать от голода люди начали уже в октябре 1941 года. Умерших переносили во Владимирский коридор, на первый этаж Южного павильона Малого Эрмитажа, со стороны Дворцовой площади. Суровой зимой 1941–42 гг. в этом широком коридоре с каменными полами, а также в небольшом здании царского гаража, расположенного в Черном проезде, отделяющем Зимний дворец от Малого Эрмитажа, был оборудован морг.

В Архиве Эрмитажа сохранились не только приказы, распоряжения и документы, но и большое количество писем и рукописей военной поры. В основном это переписка сотрудников, оставшихся в Ленинграде, с коллегами, находящимися в Свердловском филиале и в разных городах Советского Союза. Кто-то, уехав в начале лета в экспедиции или в отпуск, не смог вернуться в Ленинград, кто-то эвакуировался в первые месяцы войны, кого-то вывезли из города уже в 1942 г. по Дороге жизни через Ладогу.

В Свердловском филиале Государственного Эрмитажа, руководимом заместителем директора музея В. Ф. Левинсоном-Лессингом (1893–1972), работа также не прекращалась. Ящики с экспонатами стояли не распакованными, но это вовсе не значило что они оставались без внимания вплоть до своего возвращения домой 10 октября 1945 года. Периодически проходила выборочная проверка состояния сохранности вещей. Делалось это в присутствии комиссии из нескольких человек, среди которых обязательно был реставратор. Помимо этой рутинной работы, в Филиале регулярно проходили научные заседания, причем, в них нередко заочно участвовали сотрудники, находящиеся на тот момент за тысячи километров от Свердловска. Свои исследования они отсылали коллегам в Филиал, где полученные материалы горячо обсуждались, а критические замечания отражались в протоколах этих заседаний. Примером тому может служить сохранившийся протокол научного заседания ОИЗЕИ (Отдел западноевропейского искусства) от 17 февраля 1944 года. На повестке дня было «Обсуждение конспекта к Истории Искусств М. Я. Варшавской: “Рубенс и фламандское искусство XVII века”» [3, с. 225–235]. «Конспект» состоял из 75 страниц машинописного текста. Вступительное слово на заседании произнес В. Ф. Левинсон-Лессинг, а потом присутствующие сотрудники высказали свои замечания, которые после были отправлены М. Я. Варшавской (1905–1983) в Баку, куда она уехала в отпуск к родственникам еще в начале июня 1941 года. Сохранился ее обстоятельный ответ коллегам – это дискуссия на тему Ренессанса и барокко, «готических традиций в творчестве Брейгеля» и «места Декарта в общем развитии европейской мысли».

В архивных фондах Эрмитажа имеются также материалы, не имеющие прямого отношения к научной деятельности музея. Это многостраничные рукописи, которые не являются исследованиями художественных памятников, в них нет рассуждений на искусствоведческие темы. По свидетельству эрмитажников, переживших блокаду, когда положение было особенно тяжелым, и не было сил и возможностей заниматься научной работой, они конспектировали книги, писали воспоминания или вели дневники. Одним из таких уникальных документов военного времени является дневник заведующего Научной библиотекой музея О. Э. Вольценбурга (1886–1971), члена Русского библиографического общества, после начала войны занимавшегося подготовкой к эвакуации книг и архивных фондов. Несколько лет назад Дневник был передан в Эрмитаж его родственниками и теперь хранится в Библиотеке [4, с. 56–67]. Приведем небольшие выдержки из этого дневника: «Впечатление от последних трех месяцев (декабрь 1941 и январь-февраль 1942), проведенных в Ленинграде – это сплошной кошмар: холод, голод, болезни и смерть кругом... В январе 1942 г. я остался совершенно одиноким в библиотеке Эрмитажа. <...> Среди «лежачих» в стационаре также немало умирающих поступило из бомбоубежищ Эрмитажа ... Всюду слышно о смерти и умирающих. В Доме ученых – бесконечные разговоры о голо-

де, смерти, болезни, эвакуациях и сборах к отъезду. С Марией Сергеевной Дервиз¹, состоящей в стационаре среди приходящих, произошел ужасный случай. В 9-м часу вечера, возвращаясь с ребенком на руках из хлебной лавки на улице Халтурина, близ Эрмитажа, она подверглась нападению грабителя. Получила удар молотком по голове. Умоляла грабителя взять ее хлеб и хлебные карточки, но пощадить ее жизнь ради ребенка. ... М. С. пришлось, перемогая сильную боль и обливаясь кровью самостоятельно, с ребенком на руках, добрести до дому. На следующий день М. С. явилась в стационар с забинтованной головой и рассказала нам за столом подробности нападения и грабежа». Пережив страшную зиму, Вольценбургу вместе с женой, еще несколькими эрмитажниками и семьей композитора Д. Д. Шостаковича удалось эвакуироваться. Вот как он описывает это событие в дневнике: «Вечером 20 февраля, возвратясь из Эрмитажа, я прилег отдохнуть, и послышался стук в квартиру. Наташа [жена О. Э. Вольценбурга] пошла открывать дверь. Я вскочил, ожидая какого-либо посещения, но из дальнейших бесед с различными сотрудниками Эрмитажа я узнал, что такое же предложение, как и я получили еще Е. Г. Лисенков, М. И. Щербачева, А. Н. Кубе, М. В. Доброклонский и А. Н. Болдырев. Согласие дали, кроме меня, лишь Лисенков и Щербачева. Остальные отказались». Вольценбургу передали пакет, в котором «лежала бумага следующего содержания: “Уважаемый тов. Вольценбург. Государственный Эрмитаж сообщает, что имеется возможность послать Вас в ближайшие дни на отдых в г. Кисловодск – сроком 1–1 ½ месяца. Проезд обеспечен в нормальных условиях. С собой имеется право взять членов Вашей семьи. По получению сего прошу немедленно дать ответ в письменной форме. По договоренности моей с Директором на мое имя. Секретарь парторганизации Эрмитажа Васильев 20 февраля 1942”. <...> Никогда до сих пор никто не посылался на отдых, а ещё к тому же на Юг. На следующий день я отправился утром в Эрмитаж и явился к Васильеву, принявшему меня в штабе МПВО. Никакого разговора о возвращении в Л-д до улучшения положения этого города, не может быть и речи. <...> Дело в том, что на последнюю неделю февраля назначено очень большое число сотрудников к эвакуации, причем эта эвакуация происходила при очень тяжелых условиях и сопровождалась увольнением сотрудников из Эрмитажа. Все, кто не соглашался на предложенные им условия эвакуации или так же увольнялись или же переводились на положение технических сотрудников (уборщиков, дежурных по охране, рабочих и т.д.) не взирая на их ученые степени и ученые звания. <...> Упакованы были наши вещи в три чемодана, три мешка с постелями, два рюкзака. Жаль было бросать свою драгоценную

¹ Дервиз М. С., урожденная Принтц (1906–1942) – сотрудник Отдела истории западноевропейского искусства, жена Павла Павловича Дервиза (фон Дервиз) (1897–1942), заведующего Особой кладовой Эрмитажа, снс Отдела западноевропейского искусства. Варвара Павловна Дервиз (1896–1942) – сестра П. П. Дервиза, снс Отдела западноевропейского искусства.

библиотеку, собиравшуюся в течение 35 лет. ... В дорогу собирались наспех и очень многое забыли уложить. Ни одной книги я не взял с собой. [подчеркнуто О. Э. Вольценбургом] Взял лишь очень незначительную часть своей рукописи 2-го тома словаря художников. [О. Э. Вольценбург работал над библиографическим словарем «Художники народов СССР»]. Все остальное осталось на квартире ... на произвол судьбы. <...> Еще при посадке в автобус нам эрмитажным стационаром были вручены подготовленные стационаром пакеты со съестными припасами на одни сутки. Теперь мы вспомнили эти пакеты и решили подкрепиться. В пакете оказались очень вкусные вещи: котлеты, хлеб, масло, сахар, сладкие ватрушки. С голоду мы нажились с жадностью на эти припасы и съели их в один миг».

Благодаря дневниковым записям О. Э. Вольценбурга мы имеем возможность представить себе, как происходила эвакуация, какие трудности приходилось преодолевать во время долгого пути обессиленным голодом людям и каким опасностям они при этом подвергались. Обратимся снова к Дневнику: «К утру 3-его марта выяснилось, что мы поедем в спец. эшелоне с составом артистов гос. театров и профессорами и преподавателями ленинградского университета. Наконец нас посадили в “дачный поезд”, причем вещи наши нагромодили на скамейки кое-как. Холод стоял на дворе жестокий и мы стали замерзать. В середине вагона стояла печурка, возле которой мы успели на наше счастье устроиться... Когда проводник затопил печь, то со всего вагона пассажиры стали приходить к нам греться, кипятить воду в своих чайниках и поджаривать свой хлеб на раскаленной печке». По пути происходили и приятные встречи, о которых автор Дневника не мог не упомянуть: «Познакомился в вагоне с художником-декоратором Игорем Николаевичем Вускович. [(1904–1992) – художник-постановщик, с 1936 г. работал на киностудии «Ленфильм»]. Ехал он в составе Театра им. Ленингр. комсомола в Архангельск. Оказалось, что он меня знает по моей деятельности в Эрмитаже и как библиофила. Сам он усердный собиратель и любитель книги, гл. образом в области искусства. Случай доставил мне в течение всего чрезвычайно долгого и утомительного путешествия иметь собеседника на близкие и любезные для меня темы об искусстве и книгах. В Борисову Гриву приехали мы поздно вечером и с трудом выгрузили наши вещи прямо в снег. Суматоха была невообразимая. Предстояло нам тут же погрузиться на морозе в автомашины-грузовики и ехать ночью через Ладожское озеро в деревню Лаврово, где вновь погрузиться в вагоны того состава поезда, который должен доставить нас на Кавказ. Все это выяснилось гораздо позже, а в момент нашей выгрузки в Борисовой Гриве, мы ничего еще не знали о нашем дальнейшем следовании. ... О нас должен был бы позаботиться кто-либо из представителей от Комитета по делам искусств, но такового нигде не оказалось. Нам было предоставлено заботиться самим о себе». Далее О. Э. Вольценбург описывает, как им, наконец, удалось погрузиться в машину и отправиться дальше: «Мороз был жестокий, но возня среди вещей и постоянное движение и усилия выкарабкаться из под

наваленных узлов и чемоданов, вероятно, нас согрели, и никто из нас не замерз. Когда, наконец, грузовик наш остановился в Лаврове, и мы вылезли из машины, то каким-то чудом оказалось, что мы еще живы и, самое невероятное: все наши вещи были налицо – никто ничего не потерял». В конце концов О. Э. Вольценбург с женой оказались в Гудауте (Абхазия), а после окончания войны вернулся в Эрмитаж и продолжал заведовать Научной библиотекой до 1959 года.

Одновременно с О. Э. Вольценбургом из Ленинграда эвакуировались и сотрудники Античного отдела В. М. Скуднова (1894–1969) и М. М. Худяк (1899–1959). В начале лета они как всегда отправились в экспедицию в Крым на раскопки древнегреческого города Нимфея, расположенного на западном берегу Керченского пролива, начальником которой был М. М. Худяк. Весть о начавшейся войне сломала все планы археологов. Уехать сразу из Крыма не представлялось возможным. Только отправив по почте двадцать два ящика с находками, к середине июля 1941 г. им удалось с большими трудностями вернуться в Ленинград и передать в Эрмитаж золотые монеты боспорского чекана, которые М. М. Худяк вез, зашитыми в пиджак. Марк Матвеевич был назначен заместителем начальника штаба МПВО, сформированного в Эрмитаже. Скуднова и Худяк тут же включились в работу по упаковке эрмитажных сокровищ, а пришедшие, наконец, из Крыма посылки, не распаковывая, оправили вместе с экспонатами Эрмитажа и других музеев 20 июля 1941 г. со вторым эшеленом. Уезжать из Ленинграда они отказались, однако в феврале 1942 г. Скудновой и Худяку все же пришлось покинуть осажденный город. А архиве Античного отдела сохранилось несколько писем В. М. Скудновой, адресованных заведующей Отделом А. А. Передольской (1894–1968) в свердловский Филиал. В одном из писем Варвара Михайловна объясняет причину, по которой они не уехали из Ленинграда еще летом: «Почему мы не поехали в Свердловск? Анна Алексеевна, когда мне Владимир Николаевич [секретарь парторганизации Эрмитажа Васильев] предложил эвакуироваться, то он сказал, что в Свердловск не советует ехать, т. к. зарплатой я, как многие не буду обеспечена, да и предстоит большое сокращение из числа уже живущих в Свердловске. Я решила тогда остаться в Л-граде, но И. Абг. [Орбели] мне велел передать, что он меня уволит сейчас-же если я не уеду». Следующие письма были написаны уже из эвакуации. Путь из блокадного города на далекий Алтай превратился в изнурительное путешествие, растянувшееся на три месяца и чуть не стоившее жизни М. М. Худяку. Первое письмо Скудновой в Свердловск датировано 28 июля 1942 г.: «Милая и дорогая Анна Алексеевна, Вы, наверное мысленно меня похоронили, но я осталась жива. Найдите на карте Алтайскую область, и в южной её части Ойротскую [Горно-Алтайскую] автономную республику – вот где я сейчас живу и работаю. Село Онгудай расположено в 300 километрах от жел. дор. (Бийск). Природа изумительная – красоты очень своеобразные, напоминающие Кавказ, но совсем иные. Все эти красоты понемногу заставляют позабыть и помогают пережить прошлое... Оба

мы в физическом отношении ещё калеки, но выжили и сейчас работаем. Марк Матв. – директор средней школы села Онгудай и будет преподавать историю в 8–9–10 классах, мне поручили историю в младших классах 5–6–7. Назначение мы получили в Облоно Ойрот-Туры. В этом маленьком городке, который превратился в столицу из села, сейчас находится московский педагогический институт имени К. Либкнехта. Библиотека в Ойрот-Туре довольно обширная, я выписала себе все книги, которые смогут мне пригодиться <...> Здесь в Онгуде работу можно развернуть очень большую и интересную – есть клуб. В школе есть волшебный фонарь и очень хорошая диатека. Я смогу показать ребятам и Египет и Рим и средне-вековую культуру. К сожалению, нет Греции, но надеемся выписать. Собираемся с М. М. организовать кружок по истории, читать лекции в клубе. Живу я при школе; – во дворе, среди огородов стоят маленькие домики. В одном из них я имею очень хорошую комнату в 4 окна с чудесным видом на горы. В комнате плита с лежанкой. Многие учителя сейчас в колхозе на покосе. Я по состоянию здоровья ехать в июле не могу, помогаю по приведению в порядок школы к учебному году и занимаюсь с учениками, готовлюсь к занятиям, набрала из библиотеки парт-кабинета исторического журнала – много интересных статей. <...> Мы получаем 600 гр. хлеба, как эвакуированные из Л-града, а остальные учителя 400 гр. Купить на базаре ничего нельзя. С трудом достаю литр молока в день за 5 р. Поспевают овощи – варю борщ. Все ждём нового урожая и картофеля – здесь поспевает все поздно – холодно. Зимой до 50°, летом особенной жары нет. Зачислена я в школу с 27/VI, а уехала из Л-града 26/II. Прожила четыре месяца без работы, вернее не прожила, а просуществовала. В эшелоне, по пути их Л-града, я очень плохо себя чувствовала, да и М. М. заболел – падал в обмороки, не мог повернуться на нарах на бок без моей помощи. Мы вышли на маленькой станции в 20 км от города Галича в Ярославской области. И вот в грязной маленькой комнатенке я боролась со смертью, которая наступала на М. М. – он лежал в больнице, потом дома месяц целый после больницы не мог ходить. <...> Когда мы окрепли для дальнейшего пути, то 26 мая опять сели в эшелон и поехали. Проехали Урал, Сибирь и сейчас забрались в сердце Алтая. В Свердловске стояли 9 июня на сортировочной, [дорога из Галича до Свердловска заняла две недели!] страшно хотелось поехать в город повидать Вас, но никто не мог сказать через сколько часов или минут уйдет наш состав и пришлось только смотреть, проезжая мимо, на город, где живет Анна Алексеевна» [5, 177–178]. Немного придя в себя, эрмитажники с энтузиазмом взялись за работу. Вот как описывает В. М. Скуднова ситуацию, с которой они столкнулись перед началом учебного года: «Застали мы школу в жутком виде. Начиная с того, что почти все стекла выбиты (точно бомбежка была) все хозяйство развалено, <...> Коллектив учителей принял нас в штыки, но вот уже учителя младших классов приручаются и кажется составят дружное ядро». Постепенно картина меняется в лучшую сторону, и эрмитажники, помимо

ежедневных уроков с учениками по школьной программе, стараются проводить и дополнительные занятия: «27/IX у нас будет конференция учителей старших классов всего аймака (аймак – это район). Я на секции историков буду выступать с планом занятий на первую четверть по истории. Надо составить план по Египту и Ассиро-Вавилонии для V кл., Рим для VI кл. и раннее средневековье для VII кл. кроме того буду преподавать немецкий в 5 классе. Хотели меня нагрузить 8–9–10 классами. Но я отказалась, итак у меня будет каждый день по 5 уроков. Марк Матв. наметил серии лекций, которые будем проводить по субботам и воскресеньям – по истории, географии и литературе <...> Надо сделать, чтобы школьники не хулиганили на улице, а полюбили школу. Но самое важное для меня, что произошло второе рождение Марк Матвеевича. Вы бы его не узнали, да я тоже не узнаю! Как он работает! Куда девалась его лень! Сколько он читает! И все успевает и по хозяйству и покос, и заготовка дров, и чинить телегу, и прослушать учительницу, и поговорить с председателем исполкома и готовиться к лекциям. В клубе он прочел по просьбе парткабинета «Советский патриот». Да как прочел – прекрасно! Вы знаете, я к нему очень строга. Всю лекцию составил и написал сам, я только слушала и радовалась. В Военном Комиссариате читал «Суворов» и просили «Кутузов» и «Олимпийские игры». <...> Очень хорошо относятся к М. М. руководящие партийные товарищи из Онгудая, оказывают ему всяческую помощь. Уже включили электричество в школу, достали стекла для окон, обещан нам рояль из одного села. Первый секретарь прочел оба отчета М. М. об Нимфейской экспедиции и с тех пор называет его профессор и относится с глубоким уважением ... Обращаюсь к Вам, Анна Алексеевна, с просьбой – возьмите шефство над нашей школой! Обращаюсь к филиалу Эрмитажа! Помогите нам. У нас очень бедная библиотека, книг в Онгуде мы не достанем. Купите, что можно, соберите у школьников <...> Купите нам какие-нибудь пособия по истории, и нет-ли фото с Эрмитажных вещей – статуй, картин. Я буду вести кружок истории живописи» [5, с. 179–181].

Несмотря на большую занятость в школе и бытовые трудности, Марк Матвеевич готовил исследование, посвященное святилищу Деметры, которое было открыто в результате раскопок в Нимфее. О судьбе уникального памятника они не могли не думать, хотя, наверное, и прогоняли от себя горькие мысли. Так, 17 мая 1943 г. Скуднова писала А. А. Передольской: «Милая Анна Алексеевна, ведь скоро 2 года, как мы не виделись. Последний раз я видела Вас 23/VI–41 г. на городище Нимфея! А помните наш сад на маяке и беседку! Наверное склеп Деметры разрушен – ужасно. О Нимфее стараюсь не думать» [5, с. 138–139]. М. М. Худяк писал своей заведующей о работе над диссертацией о Нимфее и жаловался на отсутствие необходимых книг: «ведь книг абсолютно никаких нет. Рад, что с моими выводами Вы согласны, рад, что Вы принимаете, что Нимфей основан выходцами с Самоса, а материалами мы докажем. Материалов ведь нет под руками, всё по памяти ...

Вообще страшный зуд к работе, хочется очень писать, начинаю писать свою работу “Раскоп города Нимфея за три года”. Могу представить ее как работу на кандидатскую диссертацию... Мечтаю о возможности поработать в Филиале, посмотреть книги, поговорить с Вами и товарищами». [5, с. 139]. Тем временем приходилось как-то выживать в непривычных условиях сельской жизни и при этом не терять оптимизма и надежды на встречу с коллегами. В ноябре 1943 г. В. М. Скуднова пишет: «<...> без огорода нет жизни в Онгуде. Выдач нет никаких, купить ничего нельзя. Вот капусту 80 вилок, съели у меня гуси и коровы, и мы остались без капусты на зиму. Картошки у нас целое подполье – 100 ведер накопала, а сажала 5. Вот Деметра какой урожай послала мне!» [5, с. 184].

Уже на Алтае из письма коллег М. М. Худяк узнает о смерти своего единственного сына, вывезенного из Ленинграда вместе с детьми эрмитажных сотрудников и умершего по дороге, поэтому, наверное, все свое время и силы он отдает своим ученикам. 28 января 1943 г. Марк Матвеевич пишет: «Хочу приготовить угощение маленьким ребятам, а их у меня много <...> очень много хороших, милых сердцу ребят. Многие из них не видели ласкового взгляда учителя (здесь учителя очень строгие и суровые, ласковые только к себе). Мне удалось открыть специальную столовую для ребят, их вкусно кормят, и я очень рад этому. Ведь я испытал голод, видел детское горе и мне хочется моим детям дать все. Что я могу – знания, ласку, развлечение» [5, с. 185].

В начале 1944 г. Скуднова и Худяк, получив вызов в Свердловск, покинули Алтай и отправились в филиал Эрмитажа. Пробыв в Свердловске несколько месяцев, в середине мая 1944 г., после окончания военных действий в Крыму, М. М. Худяк был командирован в Керчь. На место, где работала археологическая экспедиция, было не добраться – вся территория была заминирована. На помощь пришли наши саперы, а потом выяснилось, что из святилища Деметры, о судьба которого так переживали эрмитажники, исчез алтарь, найденный еще до войны. К счастью, его удалось обнаружить в другом раскопе, в котором немцами был устроен блиндаж. Раскопки в древнем Нимфее продолжились.

Обратимся еще к одному блокадному дневнику¹ – его вела М. С. Коноплева (1871–1946) [6]. Она поступила на работу в Научную библиотеку Эрмитажа в начале 1939 г., но еще с дореволюционных времен была хорошо знакома со многими сотрудниками музея, а с 1918 г. общалась с ними по долгу службы в Комиссии по охране памятников искусства и старины по разбору и учету художественных собраний. 22 июня Мария Сергеевна была на работе, а на следующий день записала: «Эрмитаж закрыт. В залах, вместо посетителей

¹ Частично опубликован (публикация А. Б. Кузьмичевой «22/VI 41 г. Я собиралась идти в эрмитажную библиотеку...») // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том II / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 71–79.

выстраиваются ящики разных размеров, картины начинают исчезать со стен. Очищаются подвальные помещения, где устраиваются бомбоубежища. Часть помещений будет использована для хранения коллекций. День простоял пасмурный, шел дождь – погода не летняя». Уже 24 июня М. С. Коноплева отмечает, что «работа в Эрмитаже резко изменилась: библиотека почти не работает, кабинеты пусты, многие из молодых сотрудников уже уехали на фронт¹. Оставшийся состав занят исключительно снятием картин, упаковкой, составлением описей», а 2 июля она вместе с коллегами присутствовала на «общем собрании, посвященном вопросу об организации добровольческой армии. Всего около 40 человек записалось <...> Одновременно записывалось в трудовую армию много женщин». По свидетельству эрмитажников, занимавшихся упаковкой вещей, предназначенных для отправки в эвакуацию, работа не прекращалась и ночью – спали здесь же, урывками. Но несмотря на это, как отмечает Коноплева, 3 июля «после занятий в Эрмитаже был митинг – обсуждалась речь Сталина [обращение «Братья и сестры...»] и снова все призывались записаться в добровольческую армию». Эвакуация предстояла и сотрудникам, кто-то должен был сопровождать музейные коллекции, а кто-то выезжал в тыл – за Урал или в Среднюю Азию, но Мария Сергеевна решила не покидать Ленинград: «Меня вычеркнули из списков. Зачеркнутых имен в списке много – вообще уезжают неохотно. Всех пугает возможность сокращения где-то далеко в незнакомом городе остаться без площади и заработка». 23 августа она пишет: «Сегодня утром сделала над собой усилие, чтобы снова приняться за научную работу, так как работать на оборону я не могу [М. С. Коноплевой уже исполнилось 70 лет], если не считать дежурств при доме. Проработав часа три, так погрузилась в работу, что настоящее перестало существовать. Окончив занятия даже с некоторым усилием вернулась к сознанию всех ужасов происходящего». Она продолжала ходить в опустевшую библиотеку, работа в которой не прекращалась. М. С. Коноплева отмечает, что уже в сентябре, т.е. после начала блокады, столовая музея «не вмещала и не могла прокормить всех прикрепленных сотрудников Эрмитажа и многочисленных обитателей бомбоубежищ». Приведем выдержку из воспоминаний одной из обитательниц эрмитажных подвалов (Бомбоубежища № 3, оборудованного в Новом Эрмитаже) – А. К. Хоревой, которая, будучи подростком, жила в эрмитажном убежище вместе с матерью и младшей сестрой: «В бомбоубежище был порядок: в бывших хранилищах картин в каждом отсеке посередине стоял огромный стол для скатывания и раскатывания картин, стояли лавки. Вокруг в несколько рядов располагались деревянные кровати-топчаны. Каждому человеку выдавались одеяло, подушка и бельё. Отсеков было несколько, висели таблички с номерами. Картин не было: они давно были в тылу. Стены бомбоубежища (подвала) были невероятной толщины в несколько метров и никакие звуки с улицы к нам не доносились. Высота сводов

¹ В 1941–1943 гг. на фронт ушло 115 сотрудников музея, вернулось с войны 42 человека.

тоже была приличная, никто не пригибался при входе в отсек, кроме архитектора Никольского [Льва Александровича], жившего в соседнем отсеке. В бомбоубежище были вода и электричество, было относительно тепло. Свет полностью включали в семь часов утра – люди уходили на работу – и выключали в 11 часов вечера. Еле светили ночники – все люди спали»¹.

С каждой неделей обстановка в городе ухудшалась, положение сотрудников музея становилось все более тяжелым, подступал голод. И тем не менее, 19 октября состоялось заседание, посвященное классическому персидскому поэту Низами Гянджеви. Примечательно, что этот юбилей был отпразднован только в осажденном Ленинграде, даже на родине великого поэта празднование в связи с войной было отложено. Мария Сергеевна присутствовала на торжественном заседании, проходившем при тусклом свете ламп, ток для которых вырабатывала пришвартованная на Неве, прямо перед входом в Эрмитаж, императорская яхта «Полярная звезда»: «Сегодня Эрмитаж тремя докладами скромно отметил 800-летний юбилей азербайджанского поэта Низами». Инициатива празднования принадлежала И. А. Орбели. Как вспоминал Б. Б. Пиотровский, директор Эрмитажа «поехал в Смольный для согласования этого вопроса и для вызова с фронта поэта Н. С. Тихонова и основного докладчика М. М. Дьяконова». Просьба Орбели была поддержана и в политуправлении Ленинградского фронта. Заседание состоялось, и даже «был отпечатан пригласительный билет в типографии Гидрометеиздата, которая работала. <...> Люди сидели в пальто, но все было торжественно и знаменательно. Н. Тихонов в своем корреспондентском очерке писал: “В велико-лепном Эрмитаже недавно справляли юбилей великого азербайджанского писателя – человеколюбца Низами... В солнечном Баку откликнулось это торжество, и по всему Советскому Союзу узнали, что в Ленинграде жив могучий дух торжествующего творчества”. Было приятно встречать прибывающих с фронта эрмитажников. Приезжал и Игорь Михайлович Дьяконов [брат Михаила Михайловича, сотрудник Отдела Востока] и устроил “вавилонский праздник” – на Древнем Востоке все праздники сопровождалось трапезой, праздника без кормления не бывало. Он привез консервы – шпроты, и после того как все рыбки были разделены между присутствующими, консервное масло было разыграно, его получил А. Корсун [сотрудник Научной библиотеки]» [1, с. 190].

Нужно отметить, что 10 декабря 1941 г., когда норма хлеба для гражданского населения уже была снижена до 125 г, а бойцы местной обороны получали 200 г, в Эрмитаже праздновали еще один юбилей – 500-летие великого узбекского поэта Алишера Навои. Вступительное слово произнес И. А. Орбели, с докладом выступил заведующий отделением Кавказа, Ирана и Турции А. Н. Болдырев, командированный на два дня с фронта, – он служил переводчиком на Балтийском флоте. Поэзию Навои читали поэт В. Рождественский,

¹ Воспоминания А. К. Хоревой были переданы автору данной статьи и в настоящее время готовятся к публикации в издательстве Государственного Эрмитажа.

служивший военным корреспондентом и также прибывший с фронта, и востоковед Н. Ф. Лебедев. Художник М. Мох расписал к юбилею Навои фарфоровый бокал и коробочку, которые были выставлены в зале, где проходило заседание. Как вспоминал Б. Б. Пиотровский, назвавший свой рассказ об этом праздновании «Умирая, не забыли Навои», в 1941 г. Н. Лебедев и М. Мох, после войны работавший художественным руководителем Ленинградского фарфорового завода, «поступили в Эрмитаж на должность чернорабочих, они возили кирпич, закладывали окна подвальных помещений, таскали доски, а в свободное от этих работ время занимались своим основным делом. <...> Н. Лебедев выступал уже полуживым, от истощения он еле двигался ... после второго заседания, 12 декабря, он слег и не смог уже подняться. Но когда он медленно умирал на своей койке в бомбоубежище, то несмотря на физическую слабость, делился планами своих будущих работ и декламировал свои переводы и стихи. И когда он лежал уже мертвым, покрытым цветным туркменским паласом, то казалось, что он все еще шепчет свои стихи» [1, с. 196].

Зима 1941–1942 гг. была самой страшной, эрмитажники все чаще узнавали о новых потерях. 9 января М. С. Коноплева записывает в дневнике: «Эрмитаж не освещается и не отапливается. Жители “эрмитажных катакомб” оказались в тяжелом положении и выселяются обратно в свои квартиры или на первый этаж самого Эрмитажа <...> Те, кто еще на ногах, обслуживают лежащих и приносят еду из столовой – кошмарная обстановка, которой, конечно, многие долго не вынесут. Плох Альфред Николаевич Кубе...». А. Н. Кубе (1886–1942) – крупнейший специалист по прикладному искусству эпохи Возрождения, хранитель коллекции итальянской майолики, начинавший работу еще в Императорском Эрмитаже в 1910 г., скончался 10 марта. Была очень плоха и сама М. С. Коноплева, но ей на помощь пришел ее брат. «Они [брат с женой] в прямом смысле слова спасли меня от смерти, перевезли к себе и поставили на ноги к маю <...> Не поддержи меня в тот момент дружеская рука, я, конечно, скоро последовала бы за моим старым другом [Коноплева говорит о смерти своей подруги детства М. А. Жебелевой, сестре академика С. А. Жебелева, скончавшегося 28 декабря 1941 г.] – я уже едва могла ходить». Только 20 апреля 1942 г., после долгого перерыва, М. С. Коноплева снова пришла в Эрмитаж. Музей произвел на нее «удручающее впечатление: был теплый, ясный весенний день, двери эрмитажного подъезда закрыты, при входе охватывает холод и сырость, ступени и мраморные плиты пола мокрые. Вчера почему-то проверяли отопление, со второго этажа валил дым. Все оставшиеся в Ленинграде сотрудники, похудевшие до крайности, одеты еще по-зимнему. Ученого секретаря [А. В. Вильм (1898–1974)] я нашла во дворе, с подвязанными скулами, в комбинезоне, с киркой в руке, убирающую грязный лед около бомбоубежищ». Коноплева зашла к «заместителю директора законсервированного Эрмитажа» заведующему отделением гравюр и рисунков М. В. Доброклонскому (1886–1964), который жил в театральном здании на наб. 9 января (ныне – Дворцовой), 32, и узнала, что «в феврале ему было так плохо, что со стороны эрмитажной администрации были приняты срочные меры к его спасению» и что «для научного состава Эр-

митажа пытались получить карточки первой категории. Но Ленсовет отказал». Марии Сергеевне предложили «вернуться на старое место в библиотеку Эрмитажа, так как из числа старых сотрудников не оставалось никого – кто уже уехал, кто скончался». Но она еще недостаточно окрепла после болезни и физически не могла проделывать длинный путь из своего дома за Московской заставой до музея. В мае 1942 г. Коноплева поступила на работу «рядом с домом секретарем втэка Московского района». Она считала, что «возврат к своим занятиям по специальности в близком будущем не возможен – история русского искусства XVIII века едва ли кого-нибудь может теперь заинтересовать, а рисунки, картины, архивы эвакуированы, пришлось идти по линии наименьшего сопротивления и брать работу, которая нужна в данный момент стране». М. С. Коноплева пережила блокаду и встретила Победу в родном городе.

Военные письма и дневники, которые, к счастью, в большом количестве сохранились и даже не все еще до конца разобраны, – это уникальные свидетельства жизни сотрудников Эрмитажа в годы войны в блокадном Ленинграде, в Свердловске и в других городах Советского Союза. Они ценны не только своими бытовыми подробностями, дающими представление о том, в каких условиях приходилось выживать и работать эрмитажникам, что пришлось им перенести за годы войны и блокады. Прежде всего, дошедшие до нас документы говорят о необыкновенной силе духа этих людей, позволившей им преодолевать страшные испытания, которым не удалось сломить их.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пиотровский, Б. Б.* Страницы моей жизни [Текст] : [воспоминания бывшего директора Эрмитажа] / Б. Б. Пиотровский ; [предисл. Р. Джанполадян-Пиотровской]. – Санкт-Петербург : Наука. Санкт-Петербург. изд. фирма, 1995. – 287 с.

2. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов : в 3 т. Т. 1. Изд. третье, испр. – М. : Гос. изд-во «Юридической литературы, 1955. – 935 с.

3. Протокол заседания и ответ М. Я. Варшавской коллегам (публикация Н. И. Грицай) // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том I / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 225–235.

4. Дневник О. Э. Вольценбурга (публикация А. Б. Кузьмичевой и Т. Г. Шостакович) // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том II / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 56–67.

5. Письма В. А. Скудновой и М. М. Худяка, хранящиеся в Отделе Античного мира (публикация Н. П. Гуляевой) // «250 историй про Эрмитаж» “Собрание пестрых глав...”. В. 5 кн. Кн. 4, том I / Отв. ред. А. В. Конивец. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2014. – С. 136–142, С.177–185.

6. Дневник М. С. Коноплевой «В блокированном Ленинграде» // ОР РНБ. – Ф. 368. – Д. 1–3.